

Всегда он не дотягивал до великого. Всё чего-то не хватало...

То он вляпался в дружбу с Высоцким и не совсем оправдался в дневниках своих. Вернее, как ни объяснял, ни оправдывался, послужив марионеткою «в ловких и натруженных руках». То «вступил в связь» с молодой дамою, чем вызвал вой и твяканье СМИ. И даже родил в «преступной связи» сына Ваньку. Но с законной второю женою не расстался. Да и жил всегда как-то не так, не «по правилам»: ни там, в Москве, ни здесь, на родине. И нигде его не любили: ни там, ни тут.

И любили и гордились, и уважали в России и за её пределами. За яркий талант, широту русской души, доброту. А он жил, играл, как дышал, и знал его каждый как Валерия Золотухина, нашего земляка. Крутился, как мог. И признавал, что он по жизни – ведомый. Удостоился, однако, быть избранным, как ни отказывался – возглавить знаменитый Театр на Таганке – по иронии судьбы. Да и на родине малой руководил, наездами, созданным им театром.

А тут вдруг впал в кому и не вытянул.

И стал великим.

И затрубили об этом со всех народных каналов мастера рейтингов. И вынуждены были рассказывать о нём родные, друзья – близкие люди – ошарашенные, прибитые смертью его. И кто попало. В то хмурое, ветреное утро мы с Валерою Марченко спешили в Быстрый Исток. Из СМИ знали, что доступ народа в церкву, в коей Валерий Сергеич лежал с покрашенными до красноты губами, продлится до 11 часов.

А там приедет губернатор края. Вынос состоится в 12 часов. Опоздав на договорную попутку, уже в 8 часов покарбакались мы вверх по крутым лестницам новой сторожевой деревянной башни на перекрёстке дорог, дабы взглянуть на необъятные просторы. На кои когда-то, века назад, с этого места, с башни, смотрели сильные, вольные люди – казаки. А совсем недавно, во времена современного разбоя, «рыбачил» на этом перекрёстном просторе прапорщик Дешевых – отлавливал потенциальных нарушителей закона, законности и правопорядка, на законные вопросы законопослушных российских граждан неизменно отвечавший: – А чё вы тут ездите?!

Сейчас он, наверное, старший прапорщик...

Нас подвезли дамы, рулящие ныне почти всем, и обе назвались Светами. Муж одной из них сидел, забившись в тёмный угол машины.

С утра, в центре событий, народу мало. Ночью все обочины улицы у церкви были забиты машинами – люди прощались. Здесь, в центре Быстрого Истока, рядом и вокруг церкви: районная администрация, два памятника павшим в войнах односельчанам, пекарня с кафе, аптека, фото-сервис «Дарья» и, конечно, магазины, магазины. Люди тянутся тощей цепочкой вдоль ограды, где их ждёт осмотр-досмотр милиции-полиции. Осмотрели и нас, и наши сумки, спросили, заглянули... И мы поднялись на высокое крыльцо.

Новая церковь построена на месте старой, разрушенной при председательстве на укрупнённом колхозе отца Валерия Сергеевича – Сергея Илларионовича – по инициативе самого Валерия Сергеевича. В очерке Надежды Лисицыной «На круги своя» («Ударник труда» от 19.11.2002 г.) рассказана история строительства всех церквей, а по её свидетельству их было три, включая последнюю. Бизнес-план составили ещё в 1994 году, когда на организованном им посту под вечер уже стоял прапорщик Дешевых. Построена церква в течение 2003 – 2004 года.

Спонсировали строительство и губернатор Тулеев, градоначальник Бийска Карпушкин помог с краном, он же и стимулировал местных предпринимателей. И помогал со строевым лесом, пихта, из Республики Алтай Иван Пустогачев. Руководил стройкою Виктор Дмитриевич Кирьянов. Пришлось петь и плясать и самому Золотухи-

ну, вместе выступали на концертах с Ириной Линдт. Просили помощи у Гайдара и других высоких руководителей, никто не отказывал, но и не дал, ни копейки. Писали письмо губернатору Сурикову, он выделил некие деньги.

Появился и кортеж нынешнего губернатора о двух белых машинах. С охраной из четырёх крепких чёрных человек. И вошёл губернатор в здание администрации с местным главою, а потом вышел. Остальные главы районов, кто смог и захотел приехать, торчали кучкою у парадного подъезда. А народ всё прибывал, заполнял тротуары, вис на заборах, окружающих большую прицерковную площадь и невозможно было протолкнуться к зрелищу смерти. Народ ждал, кучковался. Губернатор, сквозь плотную толпу в окружении охраны, двинулся с цветами от микрофона 5 канала ТВ в церкву, в обход, по тротуару, чтобы подняться на крыльцо с запада. Справа от крыльца приставлен к стенке огромный дубовый крест – в основании гранитный набалдашник – и венок рядом.

Широкие массы в ограду не пускали, суетились несколько фотографов у разверстой могилы, вдоль восточной ограды на деревянных подставках – венки, много венков, более восьмидесяти, и от президента, и премьера, и губернатора, и батарея телекамер.

Народ тихо, терпеливо ждал.

Наконец, на южных крыльцах появились люди с большими телекамерами на треногах, замелькали цветные служители Бога, поползли вниз по ступенькам старухи с клюками. И кругом, и по периметру, и при входах и любых лазей-

ках – полиция-милиция. И всё так же дул холодный, как во все века, пронзительный ветер и хмурилось непроглядное небо. И думалось, что сегодня 5 апреля, а всё холодно. И неуютно, и промозгло. И пролетал мокрый снег.

Служение панихиды (в динамике) прервалось, загудел колокол главный, тот самый, со словами вылитыми «Не забывай, что я есть у тебя», затренькали маленькие, числом семь, и из-за угла, с запада, против часовой стрелки, выдвинулась процессия с красивым гробом на плечах специальных людей. И только она, процессия, приблизилась к месту вечного упокоения раба Божьего – как повалил густой снег, и завихрилась метель. Пронесли мимо – утихла метель, умерился много снег. И во второй раз повторилось это же... Третьего круга (о нём объявили потом в новостях) не видел: навернулся с сугроба, с коего наблюдал, чуть не в окно аптеки. Тут же, на сугробе, подхватили под руки молоденькую девчушку, поволокли в аптеку, откачивать.

И долго шла нескончаемая цепочка людей к могиле, бросали прощальную горсть земли. Пока люди не иссякли, не разошлись по домам, по делам своим. И потом, когда прощались уж совсем, перед закрытием крышки, опять валил густой снег. Остались родственники,

жены Тамары уже не было, друзья и фотографии. И священнослужители, и сын Валерия Сергеича в их числе. Их было много, они блестели, светились, переливались цветами красок и все были крепкими, здоровыми. Был и главный – епископ Максим Барнаульский и Алтайский. Он что-то говорил Ирине Линдт у креста, широкий, приземистый, с широкою бороною, она смотрела на него с удивленным вниманием. И рядом часто зевал измаявшийся сын Ванька. И тут же рядом стояли братья его и племянники.

И не думалось, что он совершил в своей жизни, много ли чего совершил, натворил ли...

Просто умер человек.

Умер человек неоднозначный, слабый, как и все мы, люди. Но, оказалось, он сделал намного больше за свою короткую жизнь, чем все окружающие, кто пришёл с ним прощаться и ещё будут приходить на его могилку, большее пространство осветил вокруг себя, больше оставил о себе и человеке памяти в этом мире...

И появилось, заискрилось, заиграло в лужах и на небе яркое весеннее солнце, и стало легко на душе.

Я слушаю, смотрю на мутную пену суесловий и вижу Артиста с грустными глазами на печальном лице Моцарта и успокаиваюсь.

Он шагнул в вечность...

ФЛАГИ

Тогда, на заре оттепели, при Никите Сергеевиче, ходили в майские праздники с красными флагами. Ходил по деревне и я.

У нас дома объявился вдруг

для меня флаг: огромное полотнище на сломанном древке – я выпросил у отца побегать с ним. Было тяжело носиться с развевающимся знаменем на короткой, еле

торчавшей из-под материи палке. Я быстро устал и дал погордиться нашим символом кому-то из больно уж клянчивших пацанов, друзьям. И стоял на ярком солнышке у клуба среди взрослых парней и мужиков.

А флаг, действительно, был всех лучше, красивше, потому что он был настоящим: большим, красным. С золотистым набалдашником со звездой, золотистыми серпом и молотом, и золотистыми кистям на шнурах. И отец мой был самым главным в деревне бригадиром.

Я сильно был горд за своё знамя. Остальные пацаны трепыхались на отдалении: на поляне и далее, в проулках и закоулках – со своими куцыми красными отрепьями на кривых суковатых

дрынах. Мой же флаг развевался в зоне видимости: неподалёку от клуба, за волейбольной площадкой на поляне.

– А чё это, чей это такой флаг-то, – спросил бодро в пространство Иван Шарабарин, не бригадный ли?

И угроза отъёма флага нависла неумолимо.

Я ждал напряженно конкретного вопроса или действия, готовый ответить, защитить своим маленьким тщедушным организмом свой флаг. А если что... скажу отцу, и он заберёт наш флаг обратно. И кипела во мне жгучая ярость против несправедливости.

А флаг реял во всю длину и ширь на весеннем ветерке: гордый, недоступный и свободный!

УДАЧА

Иногда Иван, неведущий, что творит, собрал свои рукописи (на флэшке) и двинул по адресу, приобретённому в газете, случайно усмотренной на Лубянке на макулатурно-букинистическом развале – у остова памятника Железному Феликсу. В сей момент из туч вырвалось и ярко засветило, и пригрело, в этот холодный майский День Победы, обещанное мэром столицы Лужковым солнышко – на полчаса.

Коммунисты митингующие, расположившиеся у главного входа в знаменитое мрачное здание, потихоньку закруглялись. Ещё кто-то из остатних витийствовал, привлекая внимание одураченных сирых, убогих и стариков с самопальными плакатиками. Печальное зрелище.

Адрес никак не давался, не помог никто: ни сестра-москвичка, коей звонил, ни молодой наряд милиции, ни случайные прохожие никто не знал, где находится Комсомольский проспект.

Купил Иван на последние деньги в толпе Казанского вокзала карту Москвы с рук бедствующей женщины неопределенного возраста, и, прорвавшись через метро и побродив, как следует, среди людей и машин, на проспекте Комсомольском, 13, в старинном помпезном, с колоннами, подъездом ко входу в дверь, и множеством вывесок, здания Дома культуры пришел. Нашёл Иван, после невнятного вахтёра-охранника, в узком тёмном коридорчике за обшарпанной дверью редакцию какой ни есть газеты.

Дородная женщина опоздавшая, с явными признаками хорошо увядающей красоты, строго попросившая подождать, молвила потом в тесноте приёмной, что сей же час прочтёт. Прочла и вдруг подобострастно объявила, что он, Иван, есть самородок, и она покажет опусы его редактору, как только он будет.

– А когда будет? – спросил Иван для интересу.

– Он сейчас паломничает на святых землях, явится через неделю, – и она обязательно покажет, ещё раз повторила женщина-секретарь.

– Анна Стефановна, Вы порекомендуете, куда мне ещё обратиться?

– Порекомендую, – доброжелательно, мягко сказала дама из-за монитора.

Иван поднялся по крутым узким, безлюдным лестницам на второй этаж, и, извилистыми узкими коридорами с неожиданно широкими холлами, большими высокими дубовыми дверьми с презентабельными табличками, уткнулся, куда она натакала.

Ивана встретили, но не через полчаса, а на другой день. Демократично.

А пока Иван пересёк проспект комсомольцев, ориентируясь на церковку Николы в Хамовниках, направляясь в дом-музей Л.Н. Толстого. Чтобы посмотреть на конторку, за которой Лев Николаевич, по легенде, создал «Войну и мир». Ростом граф, как поведала экскурсовод Валентина Евгеньевна, был 182 см. В церковь Иван так и не насмелился войти, постоял под старинным навесом из железа, посмотрел, как совсем не смиренно шмыгают туда-сюда прохожие-

прихожане, у входа стряхивая с зонтиков воду дождя.

На другой день, с утра, в сумрачной, захламлённой газетами и прочей печатной продукцией, комнате – с компьютерами и столами – стоял мужчина: одутловатый лицом и фигурой, с не то многодневной щетиною, не то редкой бородою. Редактор, Николай Степанович. Вид его был нездоров, однако был он подвижен, уверен, глаза блестящие. Тут же толклись ещё мужики.

– Читать не буду, – заявил редактор от скудно сервированного столика в углу комнаты, куда он бодро от Ивана двинулся, и добавил, – Володя, скинь там, на «рабочий стол».

От компьютера, напряженно-ехидный, с служающими инстинктами, Володя в такт и тон шефу спросил:

– Писатель?

– Да вроде как ... пишу.

– Так писатель, или...

– Писатель!

– Классик? смотрит Володя снизу.

– Будущий!

Володя выпрямил спину.

– Что там у нас?

– Выберите только эти два расказа, этот первый.

«На Пикет с кирпичом», – озвучил Володя.

И вновь сыграло роль магическое название Вики.

– Ну-ка! небрежно-вежливо попросил от монитора, человека, редактор.

И принялся редактировать: и вкривь и вкось, и сбоку, и с другого боку, и сверху, и снизу. Иван, молча, наблюдал за процессом. Острота и смысл рассказа уходили куда-то сквозь экран хитрой электроники.

«Пусть его, – думал Иван, – так уже было, и не раз, вот теперь и в Москве – рукописи не горят».

Довёл-таки до конца правёж, устал, встал снова к столику, налил.

– Будешь? – кивнул на стакан с красной бурдой. – Ну, смотри, – выпил, крикнул.

– Писатель ты, конечно, замечательный, но...

Володя вновь ехидно хрюкнул со своего места.

Иван не мог потом вспомнить, чему его учил редактор, постарался быстрее забыть. И забыл! Иван сам любил критиковать. Редактор же спрашивал об образовании, занимается ли Иван охотой, рыбалкой...

А зря забыл. Между прочим, редактор учил, как писать правильно. Он, взглядывая, как увиделось, ясными острыми глазами на Ивана, втирал:

– То, что я тебе говорил, где и что нужно подправить, если ты всё это учтёшь и сделаешь – будешь жить, как король! Нет! Как падишах – долго, богато и счастливо! Ты понял?!

– Да, да, понял, – кивал Иван.

– Ну, ты понял? – спросил ещё бойчее, заглядывая строго в лицо.

– Да, понял.

– Тогда иди.

И пошёл Иван.

И звонил Иван с «настойчивостью провинциала» Николаю Степановичу. Заходил и к Анне Стефановне, женщина деликатно дала понять, что нужно платить....

– Скока? – спросил Иван. Женщина скромно назвала суммы за определённый объём строк. Иван обещал подумать.

Прошёл год.

– Год? Год, да, год это много. Торжественно обещаю, в ближайшем номере....

– Да, спасибо, Николай Степаныч! Я скоро приеду и привезу Вам нашего, алтайского мёду. И рукопись, на всякий случай, говорил Иван по телефону.

– Да, да..., – всё так же отвечал редактор.

Прошло более двух месяцев. Купил Иван на Новокузнецкой в Доме мёда, когда ходил в гости к земляку в Общественную Академию, что находилась неподалёку, на последние деньги банку мёду, и явился по лету во дворец, до боли знакомый, ко Николаю Степановичу.

Редактор лица не сменил, телом же стал ещё дороднее, стал академиком французской Академии, но хлопотливой ловкости не утратил. Новоиспечённый академик тут же взял в свои руки абсолютно не измененную Иваном рукопись, листая и приговаривая: «Щас, щас... я её, голубушку, в номер», – бодро вынес её вместе с собою в коридор и далее.... И вернулся.

Иван, видя к себе достойное отношение, не дождавшись более удобного момента, в присутственной комнате при посетителях (мужчина и женщина, рылись в газетном хламе), кои, верно, и не собирались уходить, вынул из сумы перемётной, подал, в газете завернутое.

– Что это?

Иван широко улыбался, глядя на Николая Степановича.

– Мёд? – тиснул редактор банку. И вдруг бодро засуетился.

– Еду на Шукшинские чтения, – всё так же остро, мимолётно взглянул на Ивана.

– Здорово! Там и встретимся! А как бы... это... у Вас же есть телефон?

– Но там роуминг... Я как-нибудь другую сим-карту вставлю, и...

– Хорошо, я Вас там увижу, на Пикете.

– Да, конечно, встретимся, и..., – распахнул объятия редактор и жамкнул воздух. Всё это редактор говорил и показывал уже в коридоре, куда выманил Ивана действиями. И скрылся за дверью своего кабинета вместе с банкою. Надолго.

Иван и не собирался летом на родину, ему нравилось жить в Москве. Он всегда ездил на родину осенью, осень Иван любил, да и нужно было помочь старикам с уборкой урожая.

В ноябре Иван вновь предстал пред ясные и лукавые очи Николая Степановича.

– Мы вот только что просмотрели с Евдокией Никитичной на два раза все ушедшие в небытие газеты. – сказал Иван, глядя на жену редактора.

– Да, я тогда сразу прочёл, хотел поставить в номер, как договорились, а там такое..., – заговорил редактор раздражённо, глядя на экран монитора, в котором торчал рассказ Ивана. Если это напечатать, как я им, там, в глаза потом буду смотреть?! Да их всех, и меня в том числе, отовсюду выгонят!

– Да вроде бы все живы. Они же напечатали, правда, кое с какими поправками.

– Вот именно, с поправками, – быстро подхватил редактор. – Если Вы согласитесь на поправки – в первом рассказе, ну а второй – нет и нет!

Иван видел сочувственную улыбку жены Николая Степановича.

Редактор пошёл расточать слова по второму кругу и, когда

вышел с предложением во второй раз напечатать в его хорошей редакции....

– Николай Степаныч! оборвал зануду Иван – Я согласен! и, не прерываясь. – Здесь сегодня творческий вечер, посвященный... Вход свободный?

Николай Степанович поднял на Ивана мутное лицо.

– Да, конечно, скажи там, что писатель такой-то, оттуда-то....

– Хорошо, прощаться не будем, надеюсь, увидимся ещё..., – всё так же быстро тараторил Иван, – ... в зале.

Редактор испуганно сморщился, ему вторила и жена его. Редактор что-то ещё бормотал вдогонку, когда Иван уже шел коридором на чествование, в связи с 60-летием, Народного писателя Республики Саха Николая Лугинова. На восхваление его известного, оказывается, романа «По велению Чингисхана». И его самого.

* * *

Истаяли весенние сосульки, и поднялся Иван по знакомой широкой лестнице на второй этаж. Иван решил не упоминать о надвигавшейся двухлетней дате.

Он помнил телефонный разговор: редактор вновь открестился от своего обещания, и, почитая себя должником Ивана, в очередной раз торжественно обещал напечатать... другие рассказы.

Иван отдал секретарю свои рукописи, взял, вызвавшие интерес, на лотках и полках литературные газеты, журналы, запихнул пук в сумку и вышел на простор гудящей улицы, то бишь, проспекта несуществующего комсомола, да и комсомольцев тоже.

Он уже знал, что будет делать дальше.